

Михаил В. БЕЛОВ*

ЧЕРНОГОРИЈА В РУССКОЈ ДЕЛОВОЈ И ПУТЕВОЈ ПРОЗЕ 30 – 40-Х ГГ. XIX ВЕКА

ABSTRACT: The paper presents the brief overview of Russian officers and travelers who, during their stay in Montenegro, described its people, history, social relations and political situation. While mentioning the first ones who left their impressions on Montenegro (S.Y.Puckov, M.Tarasov, S.A.Sankovskiy, V.B.Bronevskiy, P.Svinin), the focus stays on the Russian authors who left their memoirs with notes from the 4th and 5th decade of the XIX century. They were Y.N.Ozerckovskiy, P.I.Preys, E.P. Kovalevskiy and F.V.Cizov

KEY WORDS: Russia, Montenegro, travelogue, S.Y.Puckov, M.Tarasov, S.A. Sankovskiy, V.B. Bronevskiy, P.Svinin, Y.N. Ozerckovskiy, E.P. Kovalevskiy, P.I.Preys, F.V.Cizov

Рубеж 30–40-х гг. XIX века следует рассматривать как важную веху в становлении славистических исследований в России, а также как поворотный момент в формировании, во всяком случае, у части русского образованного общества романтических представлений о «братских славянских народах». Не последнюю роль в этом отношении сыграла черногорская тема, разработка которой активизировалась с интенсификацией политических контактов после второго визита Петра II Негоша в Россию в 1837 г. Более того, для романтического мировосприятия с его антитезами и парадоксами социальная архаика Черногории, управляемой православным митрополитом, была особо привлекательным культурно-историческим обстоятельством. Выработанные ранее представления приобрели в рассматриваемый период некоторые новые

* Аутор је професор опште историје Нижегородског државног универзитета „Н.И. Лобачевски”.

черты, контрастность которых выявляется в сравнении с оценочной палитрой предшествующих свидетельств.

Так, в рапорте от 21 марта 1760 г. советник коллегии иностранных дел, полковник С. Ю. Пучков, побывавший в Черногории в 1759 г., сообщал: «... тамошний дикой народ или никогда, или с весьма великим трудом в порядок приведен быть может, ибо никаких прав и законов между собою не имеют...». Пучков жаловался на лицемерие, «своевольство и сребролюбие» как священников, так и мирских начальников, безнаказанно расхищающих врученные им средства. В итоге он заключал: «... в них царствует три духа: православно черногорской, венецианской и турецкой, — одним словом, кто бы ни пришел и их деньгами действительно поманил, то они того называются и ему слепо следовать готовы»¹. Публикатор конца XIX века, историк М. Драгович был преисполнен праведного гнева по поводу этого «небратского и поистине нечеловечного» документа: «... и самый большой неприятель черногорского народа, ни турок, ни латинянин, не написал бы столь неприятельского доклада против Черногории, как тот, который написал “он, Пучков”»². Конфликт историка и источника демонстрирует степень различий в понимании исторической и политической реальности на полуторовековом промежутке. Если в конце XIX века «славянское братство» являлось уже почти непререкаемой аксиомой, то мышление середины XVIII века либо о нем не догадывалось, либо оставляло его на периферии, в тени «православной общности». Вместо *родного* «славянского мира» Пучков увидел в Черногории странное соединение лукавого православия, турецкой дикости и венецианского торгашества. Характеристики эти указывали на варварство или полуварварство дальних (в географическом отношении) родственников россиян. Между тем, посланный в Черногорию в 1766 г. подпоручик Севского полка М. Тарасов, пользовался рапортом Пучкова. С некоторым удивлением он кон-

¹ Драговић М. Материјал за историју Црне Горе // Споменик Српске Краљевске академије. Књ. XXV. Београд, 1895. С. 27–28. Пучков в соответствии с повелением императрицы Елизаветы Петровны передал 15-тысячную субсидию на нужды Черногории, которая могла бы стать ежегодной. Таков был результат настоятельных просьб о помощи со стороны митрополита Василия Петровича Негоша, обращенных к русскому двору. Кроме того, Пучков должен был сообщить о прекращении практики вызова черногорцев на русскую службу, что диктовалось опасениями из-за возможного конфликта с Портой в условиях Семилетней войны. См.: Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы / Отв. ред. А.Л. Нарочницкий, Н. Петрович. М., 1984. С. 233–235. Об обстоятельствах поездки Пучкова см. также: История Балкан. Век восемнадцатый / Отв. ред. В.Н. Виноградов. М., 2004. С. 359–361.

² Драговић М. Указ. соч. С. 30.

статировал его точность и сообщил некоторые новые подробности³. А отправленный в Черногорию для организации антитурецкого выступления во время войны 1768–1774 гг. Ю.В. Долгоруков именовал ее в своих записках «разбойничьим гнездом»⁴.

Составленное уже в начале XIX века «описание Черногории» С.А. Санковского⁵ заметно отличается от свидетельств предшествующего периода как большей детализацией, так и меньшей однозначностью оценок; оно испытало на себе влияние нового литературного стиля — сентиментализма. Автор сравнивает горы с развалинами городов, а суровость ландшафта соотносит с воинственным характером и природными «добродетелями» истинного солдата. Конечно, «весьма часто [странные правила чести] рождают в людях разума необработанного варварское своеволие». Но такой народ «заслуживает внимание любителя рода человеческого» для просвещения «несчастливых людей», поскольку насаждение «художеств и ремесел» избавило бы их от нужды и смягчило нравы⁶. Несмотря на отдельные замечания, касающиеся дикости и буйств (по тем или иным причинам они были исключены из текста первым публикатором), донесения Санковского в целом проникнуты искренним интересом и симпатией к черногорцам, которая транслируется сквозь призму известного руссоистского концепта — «благородный дикарь»⁷. Следует отметить и присутствующую у дипломата просветительскую уверенность в силе социальной инженерии, разумном и быстром переустройстве общественного быта. Мотивы славянской общности, исторические и этнографические параллели в донесениях Санковского не прослеживаются.

Очередная экспедиция русского флота в Средиземноморье и опыт боевого взаимодействия с черногорцами в противостоянии экспансии наполеоновской Франции (1806–1807 гг.) породили волну обществен-

³ Црногорско-руски односи 1711–1918. Књ. 1. Руски извори о Црној Гори од краја XVII до средине XIX вијека / Одговорни уредници Ј.Р. Бојовић, И.С. Достјан. Подгорица–М., 1992. С. 48–64. *Бажова А.П.* Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в. М., 1982. С. 251–263. Политические и культурные отношения... С. 283–285.

⁴ *Долгоруков Ю.В.* Записки // Русская старина. 1889. Т. 63. № 9. С. 493–495. Об этой миссии см., например: *Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б.* Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М., 2011. С. 79–84.

⁵ *Достян И. С.* Описание Черногории начала XIX в. в донесениях С. А. Санковского // Балканские исследования. Историография и источниковедение. М., 1972. С. 291–336.

⁶ Црногорско-руски односи 1711–1918. Књ. 1. № 5. С. 66–69. С. А. Санковский – А. А. Чарторыйскому, 24 октября 1805 г.

⁷ Разумеется, этот концепт начал складываться в европейской литературной традиции задолго до Руссо: *Дюше М.* Мир цивилизации и мир дикарей в эпоху Просвещения. Основы антропологии у философов // Век Просвещения. М.–Париж, 1970. С. 251–278.

ного интереса в России, который нашел удовлетворение в мемуарной продукции участников сенявинского похода⁸. Однако их культурные ориентации различаются. Одни из них, например, самый известный мемуарист В.Б. Броневский, тяготели к неоклассицизму: «Я видел Спарту, видел в полном смысле Республику, отечество равенства и истинной свободы, где обычаи заменяют закон, мужество стоит на страже вольности, несправедливость удерживается мечем мщения, удивлялся возвышенности духа, горделивости и смелости того народа, которого имя наводит страх всем соседям. Образ же их жизни, неиспорченность нравов и отчуждение всякой роскоши истинно достойно всякой похвалы. Три дни, проведенные мною между ними, я так сказать перенесен был в новый мир и познакомился с предками моими 9-го и 10-го столетия, видел перед собой простоту патриаршеских времен, беседовал с Ильею Муромцем, Добрынею и другими богатырями нашей древности»⁹. В таком случае этнокультурную идентификацию черногорцев и русских разрывала бездна веков.

В свою очередь литературный конкурент Броневского¹⁰ П.П. Свинын в большей степени был склонен к романтической экзотизации: «Народ сей не может отвыкнуть, несмотря на увещания и запрещения митрополита от ужасной азиатской привычки — грабить и резать головы у побежденных ими неприятелей, которые хранят они как главные драгоценности в домах своих. Не возможно было равнодушно смотреть на *черногорцев* и *бокезцев*, в восторге возвращающихся домой с трофеями. Один из них одет был в женское платье, найденное им в *Рагузе*, на другом был капуцинский капюшон, на третьем — сенаторская мантия и парик, а на плечах с одной стороны на крючках навешаны живые гуси и куры, а с другой — человеческие головы, книги, подушки и все, что только можно найти и унести с собою. Таким образом несколько дней являлись сии странные *фигуры* на голых скалах *Далматинских* гор, пробираясь к хижинам своим с пляскою, и распевая веселые песни, которые с ужасным криком гусей и уток, висящих у них на крючках, производили дикие отголоски! Сии *победители* представляли необыкновенно смешное и отвратительное зрелище»¹¹.

⁸ Хитрова Н.И. Из истории русско-черногорских связей. Первая треть XIX в. (по страницам русской печати) // Национальное возрождение балканских народов в первой половине XIX века и Россия. М., 1992. Ч. II. С. 161–172.

⁹ Броневский В. Записки морского офицера. СПб., 1836. Ч. 1. С. 192. 1-е изд.: 1818.

¹⁰ Рейтблат А.И. Как Павел Свинын на Ивана Заикина жаловался, или Издатель, автор и полиция в начале XIX века // Новое литературное обозрение. 1996. № 16. С. 81–90. Куприянов П. Русское заграничное путешествие начала XIX века: парадоксы литературности // Историк и художник. 2004. № 1. С. 60–62. 2005. № 1. С. 68–71.

¹¹ Свинын П. Воспоминания на флоте. СПб., 1818. Ч. 1. С. 178–179.

Зарисовки, представленные у Свинына, уже содержали в себе некоторые приемы, которые получат развитие в более поздних описаниях. Один элемент — отождествление гор и свободы — стал ключевым мотивом, в основывающихся на рассказах Свинына поэтических текстах: в стихотворении А.С. Пушкина «Бонапарт и черногорцы» и «Черногорце» юного А.Н. Майкова¹². Однако во взгляде Свинына-наблюдателя сохранялась еще очень значимая дистанция: восторг перед силой и ловкостью дикарей смешан у него с утрачением читателя, которое было частью стратегии романтического соблазна.

Другие мемуаристы сенявинского похода менее оригинальны и составили свои свидетельства позднее, под влиянием успеха публикаций Свинына и Броневского. Любопытно, при этом, что один из них отождествил черногорцев с природной стихией («как огненный дождь, с своих гор полились на французов»)¹³, а другой и вовсе не проявил никаких симпатий в описании «зверств» черногорцев¹⁴.

Сдвиг в литературной технике представления черногорцев русской аудитории наметился в записках Я.Н. Озерецковского. Сын известного естествоиспытателя и путешественника Н.Я. Озерецковского, в 1826–1828 гг. он участвовал в Кавказской войне, а также в кампаниях с Персией и Турцией, оставив военную службу по болезни, служил в инспекторском департаменте генерального штаба, а затем перевелся в корпус жандармов, где восстановил чин подполковника и стал порученцем А. Х. Бенкендорфа. В начале 1836 г. он прибыл в Вену по обмену опытом с местной полицией и для выполнения особых поручений (слежка за соотечественниками и сбор информации о политической ситуации), а также как агент военной разведки¹⁵. Во второй половине следующего года жандармский подполковник в сопровождении митрополита Петра II Негоша посетил Черногорию как правительственный эксперт¹⁶.

¹² *Бельяјева Ј.* Српски мотиви у руској књижевности прве половине XIX века // Прилози проучавању српско-руских књижевних веза. Нови Сад, 1980. С. 32–35.

¹³ *Панафидин П.И.* Письма морского офицера (1806–1809). Пг., 1916. С. 42.

¹⁴ *Мельников Г.М.* Дневные морские записки, веденные на корабле «Уриил». СПб., 1872. Ч. 1. С. 173–176.

¹⁵ Переписка Озерецковского с управляющим III Отделением в должности директора канцелярии А.Н. Мордвиновым опубликована в составе других документов: *Бокова В.* Тайная миссия подполковник Я.Н. Озерецковского // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. [Т. XII]. М., 2003. С. 304–373.

¹⁶ *Аншаков А.П.* Становление Черногорского государства и Россия (1798–1856 гг.). М., 1998. С. 195–214. *Белов М.В., Вишняков Я.В.* Сентиментальный жандарм: миссия Я.Н. Озерецковского в Вене и Цетинье // В «интерьере» Балкан: Юбилейный сборник в честь Ирины Степановны Достян. М., 2010. С. 155–176.

Озерецковский составил и представил в МИД целый ряд информационных материалов, а также записку о политическом положении Черногории на имя А. Х. Бенкендорфа¹⁷. Оценка ситуации и стилистика описания Черногории здесь во многом соответствует сентиментальным упованиям его предшественников на постепенное укрепление государственной власти, искоренение закоснелых обычаев и развитие наук и искусств под сенью мудрого наставника в лице нынешнего митрополита и под покровительством российского монарха¹⁸. Однако подобные бюрократические сантименты в изложении Озерецковского обросли новыми чертами в манере зрелого романтизма с его пристальным вниманием к «местному колориту». Отчасти этому, вероятно, способствовало официальное антизападничество в духе уваровской триады¹⁹, опыт Кавказской войны (Озерецковский сравнивал черногорцев с горцами Кавказа)²⁰, а также литературные компетенции чиновника — к этому времени он был автором ряда повестей и рассказов, а также путевых очерков.

Характерное для описаний предшественников соотнесение местных жителей и окружающего ландшафта (непроходимые горы), который как минимум, консервирует «нравы»²¹, дополняется у Озерецковского экспрессивными зарисовками, делающими изображение подвижным. Замкнутое пространство размыкается, а рутинный обычай обретает экзистенциальный смысл. «Привычка ходить по скалам и утесам, прыгая, так сказать с камня на камень, позволяет им (черногорцам. — М.Б.) посещать Катаро... Четырех или пяти часов ходьбы налегке достаточно черногорцу, чтобы дойти до Катаро от монастыря Цетине». (Предшественники Озерецковского неоднократно указывали на эту «привычку», но в их описаниях она представлялась вычурной странностью или дикарской повадкой). И далее: «Черногорец рождается с мыслью о своей независимости и вырастает с нею. В виду турецких селе-

¹⁷ Црногорско-руски односи 1711–1918. Књ. 1. № 18–25. С. 194–225.

¹⁸ Белов М.В. Русские путешественники и дипломаты на Балканах: поиск языка описания // Политическая культура и международные отношения в новое и новейшее время. Нижний Новгород, 2009. С. 105–119.

¹⁹ Досталь М.Ю. Всеславянский аспект теории официальной народности // Славяноведение. 1999. № 5. С. 52–59.

²⁰ Кавказская тема к этому времени уже имела свою традицию в русской прозе. Ею могли воспользоваться и авторы, писавшие о Черногории: *Норимацу К.* Проблема границы «России» в кавказских текстах русского романтизма // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России. М., 2012. С. 284–310.

²¹ В крайнем случае эта тенденция вела к нивелировке культуры до уровня природы в духе описаний и классификаций естествоиспытателей прошлого века: *Слезкин Ю.* Естествоиспытатели и нации: русские ученые XVIII века и проблема этнического многообразия // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. М., 2005. С. 120–154.

ний он пашет землю с ружьем за плечами, потому что каждый шаг обрабатываемой им земли может подать повод к распрям, для которых как турки, так и черногорцы не имеют другой расправы, кроме силы оружия»²². В этих зарисовках находится зерно тех представлений, которые получили развитие в русской путевой прозе 1840-х гг.: эта горная земля наполнена значимым действием — защитой свободы, — а не бессмысленным кровопролитием²³. Экзотическая стигма, характерная в описаниях Свинына, несколько сглаживается.

Можно отметить и другую заслугу «сентиментального жандарма» в создании романтического нарратива — последовательная защита или даже фаворитизация Петра II Негоша в глазах правительства. Портрет митрополита как воплощения лучших качеств черногорцев станет неременным атрибутом будущих описаний. Озерецковский намеревался поместить в каком-нибудь русском журнале статью «О политическом положении Черногории», но шеф жандармов признал это нежелательным²⁴.

Больше повезло в этом отношении его преемнику по миссии в Черногории Егору Петровичу Ковалевскому (1809–1868). Известный путешественник, геолог и географ, автор целого ряда произведений путевой прозы, литератор, дипломат и общественный деятель, он окончил Харьковский университет по отделению нравственно-политических наук (1828) и до середины 30-х гг. служил горным чиновником сначала в столице, а затем в Сибири. Первая поездка Ковалевского в Черногорию в 1838 г. стала реализацией идеи, высказанной в записке Озерецковского и поддержанной Николаем I, провести геологоразведку в этой стране. Помимо этого, в инструкции, данной Ковалевскому К. В. Несельероде, ему поручалось собрать сведения географического и статистического характера. Хотя та же инструкция предписывала Ковалевскому «уклоняться от всякого вмешательства в дела, которые не имеют прямой связи с Вашими поручениями», он вынужден был принять участие в урегулировании пограничного конфликта черногорцев с Австрийской империей в сентябре того же года, что явилось его дипломатическим дебютом. Этот эпизод был чреват международными осложнениями, но Ковалевский был оправдан Николаем I, поскольку, в его оценке, тот «действовал как настоящий русский»²⁵.

²² Черногорско-руски односи 1711–1918. Књ. 1. № 18. С. 199–200.

²³ Впрочем, в другом месте Озерецковский оценил пограничные конфликты черногорцев с Австрией как спор из-за «2-3 бульжников». Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109. Оп. 2. Д. 132. Л. 93. 31 марта / 12 апреля 1838 г.

²⁴ Аншаков Ю.П. Указ. соч. С. 222, 241 (прим. 169). Дневники, которые вел Озерецковский, в том числе во время поездки в Черногорию, по-видимому, утрачены.

²⁵ Хитрова Н.И. Дипломатическая деятельность Е.П. Ковалевского в 30-х – 50-х гг.

Миссия в Черногории обеспечила особое положение Ковалевского в Главном управлении Корпуса горных инженеров, а его дальнейшие многочисленные поездки по Средней Азии, Ближнему и Дальнему Востоку, Африке и Балканам структурировались МИДом и содержали дипломатический компонент. Тем не менее, опыт путешествий Ковалевскому удавалось претворять в литературную форму очерков, предназначенных для широкой публики²⁶. А первым таким произведением стали «Четыре месяца в Черногории» (1841), модельные для русских путешественников. Именно после появления книги начинается паломничество в Черногорию и Адриатическое Приморье «молодых славянофилов»²⁷. В год выхода книги страну посетили представители первого поколения университетских славистов (И. И. Срезневский и П. И. Прейс, которые, правда, находились там всего лишь один день²⁸), а также зачинатель этнографических исследований в России Н. И. Надеждин²⁹.

Нет сомнений, что Ковалевский имел доступ к материалам и запискам Озерецковского, который, следуя славянофильской квазиконспирации, рекомендовал своего преемника Негошу: «Он наш, и с ним можно быть откровенным»³⁰. Тем не менее, как вспоминал позднее сам Ковалевский, «владыка встретил меня подозрительно, но отношения наши вскоре выяснились, и мудро ли? Ему было 21 год, мне 23. В эти

XIX века // Портреты российских дипломатов. М., 1991. С. 116–119. *Анишаков А.П.* Указ. соч. С. 222–229, 277–280. Описание пограничного конфликта с участием русского чиновника не могло войти в первую путевую книгу (1841) по цензурным соображениям, но составило специальный очерк, опубликованный позднее (1864): *Ковалевский Е.П.* Эпизод из войны черногорцев с австрийцами (из воспоминаний очевидца о войнах за независимость Черногории и Италии) // *Эпоха*. 1864. № 5. С. 169–193. Кроме того, уже во время первой поездки ставший личным другом митрополита Петра II Негоша Ковалевский посвятил ему посмертную биографию: Жизнь и смерть последнего владыки Черногории и последовавшие за тем события // *Современник*. 1854. Т. XLV. С. 55–84.

²⁶ *Вальская Б.А.* Путешествия Е.П. Ковалевского. М., 1956 (библ.: С. 186–200). *Виленкин В.Л.* Странствователь по суше и морям (Егор Петрович Ковалевский). М., 1969.

²⁷ Т. Ивантышынова относит к этой генерации вслед за В.А. Пановым, помимо него самого, К.С. Аксакова, А.Н. Попова, В.А. Елагина, Н.А. Ригельмана и др. См.: Встреча с Европой. Письма В.А. Панова матери М.А. Пановой из Центральной и Юго-Восточной Европы (1841–1843) / Сост. Т. Ивантышынова и М.Ю. Досталь. Батислава, 1996. С. 15 (прим. 9). См. также: *Ивантышынова Т.* Россия и Центральная Европа во взглядах славянофилов // Балканские исследования. Вып. 16. Российское общество и зарубежные славяне XVIII – начало XX века / Отв. ред. Л.П. Лаптева. С. 24–33.

²⁸ Путевые письма Измаила Ивановича Срезневского из славянских земель. 1839–1842. СПб., 1895. С. 228–229 (12 июля 1841 г.). Живая старина. 1891. № 3. С. 34. П.И. Прейс — М.С. Курорге, 19 августа 1841 г.

²⁹ См.: *Францев В.А.* Югославянское путешествие Н.И. Надеждина в 1840–1841 гг. // *Sbornik filologický*. X. 1934–1935. Praha, 1935. S. 111–128.

³⁰ Цит. по: *Анишаков Ю.П.* Указ. соч. С. 222.

годы и чувствуешь и действуешь так открыто, так честно, что всякое сомнение отпадает само собою»³¹.

В описании Ковалевского в полной мере проявились те тенденции, которые только наметились у Озерецковского. Один из излюбленных приемов литературной репрезентации в его путевой прозе — создание сюжетных и жанровых картин. Поэтические пейзажи контрастируют с зарисовками скудного бытового обихода или сценами обыденной жестокости. В грубой повседневности вдруг обнаруживаются особая пластика и красота. Подслушанные автором беседы черногорцев исполнены величественной простоты или озорного юмора. Романтизированный эпос дополняется реалистическим материалом в духе «физиологического очерка» и формирующейся «натуральной школы». Нет сомнений, на литературную технику «Четырех месяцев в Черногории» Ковалевского оказала влияние поэтика раннего Гоголя, его «малороссийские повести» и в особенности «Тарас Бульба»³², а также разработка кавказской темы в русской прозе этого времени.

Коллективный портрет черногорцев исполнен романтического культа силы, молодости, здоровья, витальности. Проецирование местных патриархальных порядков, усиленное художественным гиперболизмом, колеблется на грани гомоэротики: «...мужчины — это племя атлетов, что за рост, и как сложены, какая величественная осанка, какой гордый, повелительный вид, и эти приемы черногорца, это искусство носить свое оружие и свою щегольскую одежду, выказывающую мужественные его формы — все в нем поражает европейца, дитя болезней и неги. Когда вы увидите черногорца на страже, гордо и неподвижно опершегося на свое длинное, красивое ружье, с горящими, устремленными к турецкой границе глазами, с засученными по плечо рукавами косули, обнажающими его мощные, мускулистые руки, вы скажете: для него нет невозможного, и едва ли ошибетесь»³³.

³¹ Ковалевский Е.П. Собр. соч. Т. IV. Черногория и славянские земли. СПб., 1872. С. 162. Ковалевский уменьшает их возраст — на самом деле ему было уже 29 (или 27) лет, Негошу — 24. Помимо психологической мотивировки, на это смещение, возможно, повлияла устойчивое отнесение славян к «молодым нациям». См.: Белов М.В. «Славянский характер»: русские публицисты, литературные критики и путешественники первой половины XIX века в поисках «народности» // Диалог со временем. 2012. № 39. С. 130–131.

³² Белый А. Мастерство Гоголя. М., 1934. Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. М., 1988. Вайскопф М.Я. Сюжет Гоголя. Морфология, идеология, контекст. М., 2002. Софронова Л.А. Мифопоэтика раннего Гоголя. СПб., 2010. Карасев Л.В. Гоголь в тексте. М., 2012 и др. О «физиологическом очерке» как жанре «натуральной школы»: Цейтлин А.Г. Становление реализма в русской литературе (русский физиологический очерк). М., 1965.

³³ Ковалевский Е.П. Собр. соч. Т. IV. С. 63.

Под стать этим породистым мужчинам и сам митрополит Петр II, конечно, самый лучший из них: «Чрезвычайно высокого роста, стройный, с черными, как смоль, ниспадающими по плечам волосами, с глазами полными блеску, правильными чертами лица — владыка представляет образец мужественной красоты. Я знаю только одного, в лице которого более величия и поражающей красоты. Его знает вся Европа!³⁴ Художник избрал бы правителя Черногории образцом для изображения Геркулеса, а философ — путеводителем в своей жизни. Владыка ведет жизнь чрезвычайно умеренную: стол его более чем неприхотливый; в одежде своей прост, но отличается от прочих черногорцев. Он до того щедр и сострадателен к нищете, что нередко отдавал последнюю свою рубаху бедному. Изучение языков и литературные занятия составляют его страсть и отдохновение от тягости правительственных забот. Он считается одним из первых литераторов между славянами, очень хорошо говорит и пишет по-русски и по-французски и, в случае нужды, может изъясняться по-итальянски. Но чувство, в нем преобладающее, чувство, развитое в высшей степени — это пламенная любовь к родине, к ее славе, ее благоденствию; в этом отношении, он постоянно находится в каком-то восторженном состоянии»³⁵.

Следуя классифицирующим схемам ориентализма³⁶, Ковалевский относит черногорцев «к народам Азии»³⁷. Характерная в их изображении экзотизация помещается в противоречивом пространстве отчуждения и присвоения. И в данном случае митрополит Петр II Негош оказывается гибридной фигурой. Воплощая в себе всю красоту и мужество черногорского народа, он обладает при этом западной ученостью и представляет собой авангард европеизированных славян. Такая двойственность актуализировала колебания романтически настроенных российских либералов между выгодами и порчей, которые несет с собой цивилизация. П. И. Прейс, например, писал своему другу М. С. Куторге: «В Цетинье, столице черногорского владыки, мне понравилось все, кроме башни, увешанной головами турков. Владыка и сам против этого “дикого бесчеловечного обычая”, но не хочет присту-

³⁴ Явный намек на Николая I.

³⁵ Ковалевский Е.П. Собр. соч. Т. IV. С. 20–21.

³⁶ Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006.

³⁷ Со всей определенностью об этом сказано в его официальных донесениях: Црногорско-руски односи 1711–1918. Књ. 1. № 27–28. С. 232, 234. Однако и в путевых очерках, предназначенных для широкой публики, имеются соответствующие указания, например: «...черногорцы, как все азиатцы, ничему не удивляются или, лучше сказать, никогда не выказывают своего удивления: им все обычно». Ковалевский Е.П. Собр. соч. Т. IV. С. 127.

пить к уничтожению его, чтобы “не обидеть своего народа”³⁸. Пре-йс, таким образом, был смущен неторопливой поступью цивилизирующих реформ.

В свою очередь обращенный славянофил Ф. В. Чижев, именно в Черногории осенью 1843 г. окончательно утвердившийся в идеи славянского братства, сетовал спустя четыре года в ответах на вопросы следователей III отделения: «...владыка человек очень добрый, с доброю душою, но его успели уверить, что необходимо надобно быть образованным человеком по понятиям австрийцев, то есть говорить по-французски и немецки, не иметь никакой религии или считать ее только достоянием черни и способом держать ее в предрассудках»³⁹. Поэтому в другом месте он противопоставляет искреннюю любовь черногорцев к России более корыстным чувствам митрополита⁴⁰.

Сам Ковалевский со смешанным настроением замечал в первой путевой книге: «Зато, если это совершенное отчуждение Черногории устранило ее от западного образования, искусств, то, тем не менее, и от западных заблуждений, расслабления духа и тела: болезни сифилитические здесь не известны»⁴¹. А в посмертной биографии Негоша жаловался, что в результате его реформ черногорцы «отвыкли драться», обросли собственностью и деньгами⁴².

Отправляясь в Черногорию в 1842 г. В. А. Панов рекомендовал сочинение Ковалевского как «прекрасную книгу». Очевидно, он сам использовал ее как путеводитель. То же самое, по-видимому, следует сказать о его приятеле А. Н. Попове, дважды посетившим Черногорию в сентябре–октябре 1842 г.⁴³ Опубликованное им в 1847 г. «Путешествие в Черногорию» демонстрирует те же живописные приемы, что и Ковалевский⁴⁴. В свою очередь «воспоминания путешественника» Н. И. Надеждина⁴⁵ представляют собой рассказ в рассказе — образец романтизированного эпоса: это сплав тщательно прописанных бытовых реалий, психологически достоверных портретов персонажей с удаленной в прошлое трагической историей, в которой племенная вражда оборачивает-

³⁸ Живая старина. 1891. № 3. С. 34.

³⁹ ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1847. Д. 81. Ч. 15. Л. 93–93об.

⁴⁰ Там же. Л. 47. Об аресте Чижева см.: Белов М.В. Славянофил на допросе: ответы Ф.В. Чижева на вопросы III отделения // Родина. 2013. № 6.

⁴¹ Ковалевский Е.П. Собр. соч. Т. IV. С. 128–129.

⁴² Там же. С. 220.

⁴³ Встреча с Европой. С. 61.

⁴⁴ Белов М.В. «Славянский характер». С. 142–143.

⁴⁵ Надеждин Н.И. Черногорцы (из воспоминаний путешественника) // Утренняя заря. Альманах на 1842 год, изданный В. Владиславлевым. Четвертый год. СПб., 1842. С. 209–254.

ся детоубийством и вечным проклятием. Неслучайно этот очерк заслужил сдержанную похвалу Гоголя⁴⁶.

M.V. BELOV

MONTENEGRO IN THE RUSSIAN TRAVELOGUE PROSE
DURING THE 30 AND 40IES OF XIX CENTURY

Summary

Russian visitors of Montenegro have, according to their travelogues, shifted from the earlier presentations of wild and uncivilized of Montenegrins to the more positive picture, acquired later throughout XIX century. While there were many reasons for this, one of them could be easily found in the cultural, political and ideological background of the authors. It is also worth noting that Russian citizens, who demonstrated an interest for Montenegro in the 4th and 5th decade of XIX century, had a better knowledge of Petar I Petrović's Montenegro and, what was far more important, opportunity to meet or hear of his heir. The polyvalent nature of poet, philosopher and statesman, merged in the metropolitan Petar II Petrović Njegoš, strongly influenced the Russian and European authors, greatly influencing their view on his country and countrymen.

⁴⁶ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: [В 14 т.]. Т. 8. М.–Л., 1952. С. 211.